

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-4-27-39

УДК 929

А.А. Леонтьев

Независимый исследователь,
101000 г. Москва, Российская Федерация

«Человек в высшей степени вредный, но в самом добром смысле этого слова»: Польские проекты жандармского офицера А.Д. Васильева 1830–1832 гг.

Статья посвящена анализу основных идей и предложений штабс-капитана А.Д. Васильева, высказанных им в связи с польским восстанием в записках на высочайшее имя в 1830 и 1832 гг., т.е. непосредственно перед зачислением в Корпус жандармов. Приводятся ранее неизвестные факты его биографии, а также характеристика, данная ему в 1843 г. шефом жандармов А.Х. Бенкендорфом. Актуальность данного исследования обусловлена ростом интереса к должности жандармского штаб-офицера, наблюдаемом в отечественной историографии. Записки Васильева позволили изучить его представления о политике, истории, государственной идеологии. Предложенные им меры по решению польского вопроса представлены в контексте официальной позиции III Отделения и мнения Николая I. Представленный в статье материал демонстрирует сходство историко-политических взглядов Васильева и Николая I, с одной стороны, а также схожесть методов описания общества через сословно-этнический подход, используемый Васильевым и чиновниками III Отделения, – с другой. Проведенное исследование позволяет заключить, что идеологическое соответствие Васильева и его проектная активность, благодаря которым

© Леонтьев А.А., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

он получил приглашение в Корпус жандармов, были недостаточны для того, чтобы заслужить отличную репутацию в глазах начальства. Впоследствии Бенкендорф отзывался о нем как о «вредном» человеке, которому не стоит доверять серьезные поручения.

Ключевые слова: III Отделение Собственной Е.И.В. Канцелярии, Корпус жандармов, Польское восстание 1830–1831 гг., А.Д. Васильев, А.Х. Бенкендорф

Благодарности. Статья подготовлена на базе Института российской истории РАН в рамках научного проекта «Представления жандармских офицеров о России в дореформенную эпоху», выполняемого за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01576, <https://rscf.ru/project/23-28-01576/>.

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Леонтьев А.А. «Человек в высшей степени вредный, но в самом добром смысле этого слова»: Польские проекты жандармского офицера А.Д. Васильева 1830–1832 гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2024. Т. 15. № 4. С. 27–39. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-4-27-39

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-4-27-39

A.A. Leontev

Independent researcher,
Moscow, 101000, Russian Federation

“An extremely harmful man, but in the kindest sense of the word”: Polish projects of gendarmerie officer A.D. Vasilyev (1830–1832)

This article is dedicated to the analysis of the main ideas and proposals regarding the November Uprising put forward by Staff Captain A.D. Vasilyev in his notes addressed to Nicholas I in 1830 and 1832, i.e., immediately before his enlistment into the Gendarme Corps. Previously unknown facts from his biography are presented, as well as a characterization given to him in 1843 by the Chief of Gendarmes, A.Kh. Benckendorff. The relevance of this study is due to the growing interest in the position of gendarmerie staff officer

observed in Russian historiography. Vasilyev's notes allowed us to examine his views on politics, history, and state ideology. The measures he proposed to keep Poland in tranquility are presented in the context of the official position of the Third Department and the personal opinion of Nicholas I. The material presented in the article demonstrates the similarity between the historical and political views of Vasilyev and Nicholas I on one hand, and the similarity of methods for describing society through a class-ethnic approach used by Vasilyev and officials of the Third Department on the other. The conducted research leads to the conclusion that Vasilyev's ideological rigor and project activity, which earned him an invitation to the Gendarme Corps, were insufficient to gain an excellent reputation in the eyes of his superiors: subsequently, Benckendorff described him as a "harmful" person who should not be entrusted with serious assignments.

Key words: the Third Department of His Imperial Majesty's Chancellery, Corps of gendarmes, A.D. Vasilyev, A.Kh. Benckendorff, the November Uprising in Poland (1830–1831)

Благодарности. The article was prepared on the basis of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences as part of the scientific project "Representations of gendarmerie officers about Russia in the pre-Reform era", carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No.23-28-01576, <https://rscf.ru/project/23-28-01576/>

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Leontev A.A. "An extremely harmful man, but in the kindest sense of the word": Polish projects of gendarmerie officer A.D. Vasilyev (1830–1832). *Locus People, Society, Culture, Meanings*. 2024. Vol. 15. No. 4. Pp. 27–39. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-4-27-39

В результате реформы высшей полиции¹ начала царствования императора Николая I в России были учреждены III Отделение Собственной Е.И.В. Канцелярии и Корпус жандармов. С учреждением Корпуса высшая полиция впервые получила постоянные подразделения за пределами двух столиц [11, с. 30–35]. К началу 1830-х гг. в каждой губернии европейской России имелось жандармское управление, во главе которого стоял штаб-офицер. Эти чины снабжали III Отделение информацией по предметам высшей полиции и исполняли специальные поручения, в т.ч. привлекались к участию в губернских следственных комиссиях, служили комендантами на ярмарках, находились при рекрутских

¹ В данном тексте понятия «высшая полиция», «наблюдательная полиция» и «политическая полиция» употребляются в качестве синонимов в соответствии с доминирующей историографической традицией. Все три понятия отсылают к деятельности III Отделения.

наборах [11, с. 308–314]. Новая должность не имела аналогов ни в российской, ни в европейской практике; так, во Франции задачи «наблюдательной полиции» выполняли губернаторы и комиссары полиции [7]. Деликатный характер задач штаб-офицеров, их значительная самостоятельность и обилие нестандартных поручений диктовали особые требования к кандидатам на эту должность. От них ожидалось умение входить в доверие, поддерживать хорошие отношения с местными чиновниками и дворянством, а главное – анализировать ситуацию и составлять четкие донесения обо всех событиях, которые, по их мнению, могут заинтересовать начальство, при необходимости – высказывать общие соображения о положении дел в губернии [1, с. 158–162]. На данный момент формальные стороны службы штаб-офицеров – полномочия, секретные инструкции – относительно хорошо изучены [1; 2; 4; 11]; однако их система мировоззрения, идеологические убеждения почти не рассматривались в историографии.

Начало николаевского правления можно назвать эпохой записок и проектов, когда многие стремились представить на высочайшее рассмотрение идеи различных преобразований и, тем самым, способствовать развитию собственной карьеры. Среди жандармов в этом особенно отличился Александр Дмитриевич Васильев, за годы службы написавший не менее десяти различных проектов. Его главный и самый объемный труд – «Изложение нравственного состояния всех сословий России» – был частично опубликован в 1973 г. Т.Г. Деревниной, которая впервые кратко изложила его удивительную биографию [6]. Васильев также оказывался в центре внимания исследователей в связи с его конфликтом с управляющим III Отделением и начальником штаба Корпуса жандармов Л.В. Дубельтом [13]. В данной статье мы подробнее разберем первые две всеподданнейшие записки Васильева (1830 и 1832 гг.), посвященные польскому вопросу: выделим его основные социально-политические взгляды и, где возможно, сравним с подходами Николая I и первого шефа жандармов А.Х. Бенкендорфа.

Васильев родился в 1801 или 1802 г. в дворянской семье Псковской губернии, был выпущен из дворянского полка прапорщиком в 1821 г.² В 1827 г. он перевелся из Учебного карабинерного полка в Ревельский пехотный полк, где к концу 1830 г. дослужился до чина штабс-капитана. Свою первую записку на высочайшее имя он подал анонимно через Комиссию прошений 19 декабря 1830 г. перед тем, как отбыл к своему полку, который вскоре был отправлен на подавление польского

² Наиболее поздний вариант формулярного списка (1859 г.): Государственный архив Российской Федерации. Ф. 110 (Штаб Отдельного корпуса жандармов). Оп. 2. Д. 1578. 25 л.

восстания. Сочинение, озаглавленное «О непремении и необходимости кровавой войны в Польше и о многом в России», обратило на себя внимание Николая I, который поручил Бенкендорфу собрать справки «о службе и нравственности» Васильева и рассмотреть возможность зачислить его в Корпус жандармов³. Тем временем Васильев принимал участие в боевых действиях, при штурме Варшавы в 1831 г. получил серьезные ранения: контузию головы и раздробление двух ребер картечью, из-за чего «лишился навсегда свободного употребления левой руки»⁴. Проведя год на лечении в госпитале в пригороде Варшавы, находясь уже в чине капитана и получив несколько военных наград, Васильев собрал сведения для новой записки, которую также подал в Комиссию прошений по возвращению в Петербург в мае 1832 г. Более основательный и конкретный, этот проект был поделен на две части, посвященные Польше и Литве. Цель проекта заключалась в том, чтобы убедить самодержца, что его автор имеет хорошее представление о польских делах, а также обладает необходимыми способностями для того, чтобы занять место варшавского полицмейстера⁵. Столь ответственную должность капитану пехотного полка не доверили, однако официально предложили перейти в Корпус жандармов с назначением состоять при шефе по особым поручениям.

Васильев дал согласие и до 1853 г. служил в Корпусе. За это время он побывал в должности адъютанта Тифлисского жандармского штаб-офицера, штаб-офицера в Енисейской и Томской губерниях, выполнил несколько специальных поручений Бенкендорфа. В течение всей службы и даже после ухода в отставку (год его смерти остается неизвестен) Васильев находился в трудном финансовом положении, из-за чего неоднократно просил начальство о материальной помощи, а после отставки – еще и о достойно оплачиваемом месте⁶. В 1843 г. Васильев даже подал прошение о переводе в штатскую службу, мотивируя это тем, что Бенкендорф не давал ему важных поручений и трижды отказывался представить на высочайшее рассмотрение просьбу о «вспоможении»⁷. Васильев даже высказывал претензии лично Бенкендорфу: «Ваше сиятельство, – писал он тогда же, – некогда обещали мне составить мой карьер, и что я ничего не потеряю службой в Корпусе; я не заслужил

³ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 110. Оп. 2. Д. 217. Л. 32.

⁴ Там же. Д. 1081. Л. 21.

⁵ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109 (III Отделение Собственной Е.И.В. Канцелярии). Оп. 2а. Д. 208. Л. 2.

⁶ Там же. Ф. 110. Оп. 2. Д. 1578. Л. 19.

⁷ Там же. Д. 1081. Л. 3.

этого, и мое честолюбие разорвано вполне»⁸. Последнее упоминание Васильева в делопроизводстве III Отделения связано с его попытками добиться разрешения на издание журнала и получить очередную сумму от монарха. 28 июня 1866 г. шеф жандармов П.А. Шувалов согласовал просьбу Васильева о высочайшем вспомоществовании в 500 руб., однако 12 июля по какой-то причине отменил запрос за «отсутствием надобности». Возможно, это связано с кончиной Васильева, который в это время, по сведениям III Отделения, «проведя без малейшей помощи 3 недели в госпитале, вернулся на свою квартиру»⁹.

Первые два сочинения Васильева, как уже было отмечено, были посвящены польскому вопросу. С началом ноябрьского восстания 1830 г. стало очевидно, что сохранение прежнего курса, принятого Александром I, который предоставил Польше значительную автономию и экономические выгоды, больше не представлялось возможным¹⁰. Пока Николай I и его ближайшие советники разрабатывали новую концепцию управления Польшей и размышляли о причинах восстания, тем же занимался штабс-капитан Васильев. «От разрешения дела Польши, – писал он в первой записке, – разрешится вопрос: останется ли Россия неприкосновенной державой как утес скалы посреди бурного океана»¹¹. Схожая оценка возможных последствий мятежа была дана Бенкендорфом в переписке с великим князем Константином Павловичем. Шеф жандармов опасался, что «мятежный дух» перекинется на остальную Россию, и уверял великого князя, что «здесь (в России. – А.Л.) мы стараемся принимать всевозможные меры предосторожности против распространения этого нравственного недуга, заражающего молодые умы в Европе. <...> С ним следует бороться до последней крайности, но без притеснений, вооружившись лишь справедливостью и силою. <...> Этот пример, быть может, приостановит распадение общественного строя»¹².

В своей записке Васильев активно прибегал к аргументации литературно-исторического характера. Эту нарративную черту можно обнаружить и в прочих его сочинениях. Критикуя чрезмерную мягкость

⁸ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 110. Оп. 2. Д. 1081. Л. 1.

⁹ Там же. Ф. 109. Оп. 28. Д. 93. Л. 125–134.

¹⁰ По словам Е.М. Болтуновой, Александр I в делах Польши и вовсе «стремился дистанцироваться от российской патриотической риторики и православного контекста. В значительной мере его установки совпадали с польским политическим и историческим нарративами» [4, с. 274].

¹¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 110. Оп. 2. Д. 217. Л. 5.

¹² Письма графа А.Х. Бенкендорфа к великому князю Константину Павловичу // Русский архив. 1885. № 1. С. 34.

александровской политики, он писал: «В варварские времена покоренные области делались полной добычей каждого из воинов победительной армии, религия истреблялась или подвергалась гонению, а законы совершенно уничтожались; поверженные не имели охранительных прав, их законы были воля иноплеменных. Прошли сии времена, люди смягчились в нравах и, ужаснувшись деяний своих предков, захотели безрасчетно играть роль слишком великодушных, и вместо того, чтобы отречься только от ужасных сцен человекоубийства, подпали другому злу: слабости; к тому же, желая облегчить себе будущие завоевания, наделали ошибок государственных и, переступив середину настоящих прав и обязанностей к побежденным, потеряли тем средство удерживать их в вечном подданстве»¹³.

Жесткая позиция Васильева несколько предвосхищала общую тенденцию николаевских манифестов. Николай I стал напрямую именовать поляков «побежденными» русским оружием только после того, как польский сейм произвел его детронизацию 25 января 1831 г., что и послужило поводом к началу полномасштабных военных действий [5, с. 472]. Пока российская армия переходила границу Польского королевства, в одной из частных записок, отправленных И.Ф. Паскевичу, Николай так размышлял о недавнем прошлом: «Бог благословил наше святое дело, и наши войска завоевали Польшу. Это – неоспоримый факт. В 1815 году Польша была отдана России по праву завоевания» [14, с. 344]. Нарративная логика Васильева совпала с императорской. Учитывая, как высоко записка Васильева была оценена лично Николаем, мы убеждаемся, что уже в декабре 1830 г. по отношению к Польше «все ранее непроговариваемое стало не просто разрешенным, а максимально востребованным» [5, с. 464].

Васильев был убежден, что послабления к захваченному народу – разрешение сохранить свою армию, законы, веру – есть основные причины восстания. После подавления восстания он предлагал расквартировать в Польше русские полки, а польские – распределить по отдаленным российским губерниям. Общеимперские законы должны были в полной мере действовать на территории Польши. В своем экзальтированном патриотическом порыве Васильев намекал, что Николай I может рассчитывать на единодушную поддержку своего народа и при необходимости отстоять свою власть в Польше против объединенной Европы: «Дух, одушевлявший милицию и ополчение, хотя последнее не было ничем

¹³ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 110. Оп. 2. Д. 217. Л. 5 об.

награждено¹⁴, не угас еще в Россиянах, и, соединясь с лучшим образованием, передаст Ваши законы всей Европе»¹⁵.

Такая позиция разделялась многими русскими современниками. В «Картина общественного мнения в 1830 г.»¹⁶ императору сообщалось о мнении «неумолимых русских патриотов, желающих суворовской резни, уничтожения конституции, разделения королевства на русские провинции и раздачи имений участников восстания и староств генералам и другим русским чиновникам» [цит. по: 12, с. 70]. Хотя эта позиция, в противовес либеральной, прямо не осуждалась, по выбору выражений («суворовская резня») можно полагать, что шеф жандармов относился к ней скептически, придерживаясь более умеренных взглядов.

Саму Польшу Васильев считает «истинно несчастной страной, вечно подверженной вулканическим извержениям междоусобия и всегдашней добычей разорительности войны; только с 1814 года по 1830-й под охранительной сенью мощной России она отдохнула от ужасов истребления, и ее плодородная земля, ее богатые паствы и выгодное географическое положение быстро покрыли цветом торговли и промышленности повсеместные признаки прежних неустойств»¹⁷. С одной стороны, поэтичность слога в этом идеологически окрашенном фрагменте резонно вызывает сомнения в справедливости суждения. Однако исследователи действительно указывали на рост производства, торговли и численности населения Царства Польского в 1810–1830 гг., а также на значительные инвестиции и преференции по отношению к польской экономике со стороны Петербурга [5, с. 304–319; 9, с. 223; 10, с. 176]. Мысль о польском благоденствии под скипетром Романовых не нуждалась в «угадывании»: она уже высказывалась в манифесте 12 декабря 1830 г. (т.е. за неделю до подачи Васильевым первой записки) «О возмущении, происшедшем в Варшаве», с которым он, разумеется, был знаком¹⁸.

В польско-литовской записке 1832 г. Васильев разделил польский народ на две партии: про- и антирусскую. К первой он относит средних помещиков, «селян (мешканцев)», купцов, поселения немцев

¹⁴ Имеется в виду народное ополчение Смутного времени. Исторические аналогии были популярным риторическим аргументом и инструментом символического конструирования, применявшимся как польскими, так и русскими патриотами в 1830-е гг. См: [4, с. 404–440].

¹⁵ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 110. Оп. 2. Д. 217. Л. 7.

¹⁶ Ежегодный аналитический документ, представляемый монарху III Отделением. Подробнее см.: [11].

¹⁷ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 208. Л. 20.

¹⁸ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. СПб., 1830. Т. V. С. 485. № 4183.

и россиян. Ко второй – «богатейших панов», офицеров и юнкеров, духовенство, «дробную шляхту», а также «всех бездомных и праздных людей». Подобное разделение мнений, производимое по сословно-этническому принципу, было характерно и для делопроизводственных документов III Отделения. В «обозрении» за 1832 г. высказывался схожий взгляд, защищавший «простой народ, увлеченный в беспорядки не по собственному произволу, <...> довольный, что может беспрепятственно обращаться в домашних и хозяйственных своих занятиях», и называвший дворянство и католическое духовенство классами, которые «не смогут забыть и, конечно, долгое время еще не покинут преступной мечты своей освободиться от законного правительства и будут питать к нему злобу» [цит. по: 12, с. 88].

В записке 1832 г. Васильев предлагает провести изменения в самых разных областях управления Польши: в системе образования, цензуре, военной службе. Однако самые примечательные его предложения (которые, забегая вперед, будут позже использованы против него) касаются символического утверждения русского национализма. Васильев был серьезно обеспокоен вредным, как ему виделось, влиянием иностранцев (европейцев) и их культуры как на территории России, так и в Царстве Польском. Его национальная гордость уязвлялась модой городских заведений и торговых лавок делать вывески на иностранных языках, а также любыми иными попытками подражать иностранцам. «Поляки, – писал он в записке, – сохранили более петербургских жителей народность, во всех их обычаях можно найти что-нибудь собственное; но общий дух подражания французам, желание подделаться под их нравственность и даже носить по наружности и по душе личину настоящего француза издавна схватил уже умы поляков»¹⁹. По этой же причине ему нравилось слово «воеводство», которое, в отличие от иностранного «губерния», было своим, русским²⁰.

Васильев указывал на необходимость уничтожения символов политической идентичности поляков и литовцев, по его выражению, следовало «переменить некоторые наружные знаки отчуждения»: «гербы воеводств вместо общего белого орла восстановить собственные, или с помещением их меж крыл орла России, <...> отменить разность в казенных красках. <...>. Тогда народ привыкнет видеть себя в составе России»²¹. Апогеем приверженности Васильева русскому языку можно считать его предложение, высказанное еще в первой записке: по аналогии

¹⁹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 208. Л. 39.

²⁰ Там же. Л. 26.

²¹ Там же. Л. 27.

с немецкой приставкой «фон» называть российских аристократов «Росс»: т.е. «князь Росс Волконский, граф Росс Дибич» и т.д.²²

Несмотря на то, что многие взгляды Васильева по польскому вопросу были явно близки Николаю, а сам тип мышления соответствовал стандартам чиновника «высшей полиции», карьера Васильева в Корпусе жандармов сложилась не так, как он рассчитывал. Как ни странно, именно записки, которые привлекли внимание верховной власти и обеспечили ему поступление в жандармы, в конечном счете стали причиной его отчуждения и репутационного краха. Выше уже упоминалось, что в декабре 1843 г. Васильев демонстративно подал прошение о переводе на гражданскую службу, поскольку не получал от шефа важных поручений. После этого он отправился просить места к министру внутренних дел Л.А. Перовскому, о чем Бенкендорфу стало известно. В секретной записке шеф жандармов предостерегал Перовского насчет своего подопечного. Давние предложения Васильева по усилению русского языка – борьба с иностранными вывесками, идеи с приставкой «Росс» – были охарактеризованы как одиозные и практически высмеяны. «Но не столько сии странности обратили тогда внимание на Васильева, – продолжал Бенкендорф, – сколько то, что донесение его выказывало необыкновенную пылкость характера и чрезмерное самолюбие сочинителя, так что в то время признано было необходимым взять его на замечание: ибо человек с такими качествами может сделаться даже опасным для общества»²³.

В 1832 г. Николай I повелел Бенкендорфу взять Васильева под свое начальство, «иметь над ним личное наблюдение». Это объясняет, почему до самой смерти Бенкендорфа Васильев, даже находясь в должности губернского штаб-офицера, числился при шефе для особых поручений. Собственно характеристика Васильева со стороны его начальника была убийственной: «Васильев, приобретший себе известность отличного и чрезвычайно храброго офицера в военное время, всегда был человеком в высшей степени честным, бескорыстным и пламенно приверженным к престолу и отечеству. Но чувство чести и долга соединены в нем с такой пылкостью, что он в действиях своих всегда переходил за пределы надлежащей меры, а ум его видит вещи большей частью с ложной точки зрения и часто в совершенно превратном виде. От этого ни одно из поручений, которые я возлагал на него и из коих многие были весьма

²² Государственный архив Российской Федерации. Ф. 110. Оп. 2. Д. 217. Л. 8.

²³ Там же. Д. 1081. Л. 30–34.

важные²⁴, не только не исполнял он с желаемым успехом, но запутывал дела так, что весьма трудно было исправить оные, и нередко поставлял меня самого в неприятное положение. Не могу лучше выразить перед Вашим Высокопревосходительством характера Васильева, как сказав, что он есть человек в высшей степени вредный, но в самом добром смысле этого слова. <...> Штаб-офицер сей, по убеждению моему, не только не принесет пользы службой в Высочайше вверенном Вам Министерстве, но будет вреден и может Вас самих вводить в затруднительное и неприятное положение»²⁵.

Случай жандармского штаб-офицера Васильева, безусловно, специфический. Он демонстрирует, как честолюбивый и амбициозный офицер в 1830-е гг. мог получить приглашение в Корпус жандармов без какой-либо протекции, исключительно благодаря умению изложить свои взгляды и, конечно, доле везения. Во многих отношениях первый проект Васильева резонировал с высочайшим мнением – и Николай I это оценил. Осознав успешность своего метода, Васильев пытался вновь привлечь к себе внимание уже опробованным путем, однако в дальнейшем ни один его проект не был отмечен наградой или новым назначением. Секретная записка Бенкендорфа к Перовскому открывает нам истинное его положение в Корпусе. Лояльность престолу и бескорыстная служба – обязательные требования к жандармскому штаб-офицеру, но без точного понимания границ своей власти, понимания методов исполнения задач, умения порождать взвешенные суждения Васильеву было тяжело угодить начальству и считаться за образцового штаб-офицера.

Библиографический список / References

1. Бибиков Г.Н. А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М., 2009. [Bibikov G.N. A.Kh. Benckendorff i politika imperatora Nikolaya I [A.Kh. Benckendorff and the policy of Emperor Nicholas I]. Moscow, 2009.]
2. Бибиков Г.Н. Жандармский надзор в системе государственного управления Российской империи (1826–1856 гг.). М., 2023. [Bibikov G.N. Zhandarmskii nadzor v sisteme gosudarstvennogo upravleniia Rossiisko iimperii (1826–1856 gg.) [Gendarmerie supervision in the system of public administration of the Russian Empire (1826–1856)]. Moscow, 2023.]

²⁴ Вероятно, имеется в виду поручение собрать сведения о раскольниках, данное ему в 1838 г. Тогда Бенкендорф был вынужден досрочно прекратить командировку Васильева, который стал «входить в дела, до него не относящиеся» (Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109. Оп. За. Д. 1492).

²⁵ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 110. Оп. 2. Д. 1081. Л. 33–34.

3. Бикташева А.Н. Жандармы и модернизация местного управления в России (опыт и перспективы изучения) // *Quaestio Rossica*. 2015. № 2. С. 132–143. [Biktasheva A.N. Gendarmes and modernization of local government in Russia (experience and prospects of study). *Quaestio Rossica*. 2015. No. 2. Pp. 132–143. (In Rus.)]
4. Болтунова Е.М. Последний польский король: коронация Николая I в Варшаве в 1829 г. и память о русско-польских войнах XVII – начала XIX в. М., 2022. [Boltunova E.M. Poslednii polskii korol koronatsiya Nikolaya I v Varshave v 1829 g. i pamyat o rusско-polskikh voynakh XVII – nachala XIX v. [The last Polish king; Nicholas I's coronation in Warsaw in 1829 and the memory of the Russo-Polish wars of the XVII to early XIX centuries]. Moscow, 2022.]
5. Деревнина Т.Г. Записка о внутреннем положении дореформенной России // *Вопросы истории*. 1973. № 3. С. 108–116. [Derevnina T.G. A note on the internal situation of pre-reform Russia. *Voprosy Istorii*. 1973. No. 3. Pp. 108–116. (In Rus.)]
6. Леонтьев А.А. Высшая полиция и жандармерия в Российской империи: заимствования и новации // *Новое прошлое*. 2022. № 4. С. 130–143. [Leontev A.A. High police and gendarmerie in the Russian Empire: Transfer and innovations. *The New Past*. 2022. No. 4. Pp. 130–143. (In Rus.)]
7. Леонтьев А.А. Отчетная документация Корпуса жандармов и устройства высшей полиции в 1820–1830-е гг. // *Российская история*. 2021. № 2. С. 105–111. [Leontev A.A. Reports of the Special Corps of Gendarmes and the organization of Imperial Russia's Secret Police of 1820s–1830s. *Rossiiskaya Istoriya*. 2021. No. 2. Pp. 105–111. (In Rus.)]
8. Обушенкова Л.А. Королевство Польское в 1815–1830 гг. Экономическое и социальное развитие. М., 1979. [Obushenkova L.A. Korolevstvo Polskoe v 1815–1830 gg. Ekonomicheskoe i sotsialnoe razvitiye [The Kingdom of Poland in 1815–1830: Economic and social development]. Moscow, 1979. (In Rus.)]
9. Правилова Е.А. Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801–1917. М., 2006. [Pravilova E.A. Finansy imperii: Dengi i vlast v politike Rossii na natsionalnykh okrainakh, 1801–1917 [Finances of the Empire: Money and power in Russian politics on the national outskirts, 1801–1917]. Moscow, 2006.]
10. Романов В.В. Политическая полиция Российской империи 1826–1860 гг.: основные тенденции развития. Ульяновск, 2007. [Romanov V.V. Politicheskaya politiya Rossiiskoi imperii 1826–1860 gg.: osnovnye tendentsii razvitiya [The political police of the Russian Empire in 1826–1860: The main development trends]. Ulyanovsk, 2007.]
11. Россия под надзором: отчеты III отделения, 1827–1869 / сост. М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова. М., 2006. [Rossiia pod nadzorom: otchety III otdeleniia 1827–1869 [Russia under supervision: Reports of the III Department 1827–1869]. M.V. Sidorova, E.I. Shcherbakova (eds.). Moscow, 2006.]
12. Сидорова М.В. Доносы на Л.В. Дубельта: из материалов секретного архива III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии // *Российский архив*. М., 2005. Вып. 14. С. 142–145. [Sidorova M.V. Denunciations of L.V. Dubelt: From the materials of the secret archive of the III Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery. *Rossiiskii arkhiv*. 2005. Issue 14. Pp. 142–145. (In Rus.)]

13. Шильдер Н.К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Т. 2. СПб., 1903. [Shilder N.K. Emperor Nikolai Pervyi, ego zhizn i tsarstvovanie [Emperor Nicholas I, his life and reign]. St. Petersburg, 1903.]

Статья поступила в редакцию 08.10.2024, принята к публикации 13.11.2024
The article was received on 08.10.2024, accepted for publication 13.11.2024

Сведения об авторе / About the author

Леонтьев Александр Алексеевич – магистр (история); независимый исследователь, г. Москва

Alexander A. Leontev – M.A. (History); Independent researcher, Moscow, Russian Federation

E-mail: alexeont@gmail.com